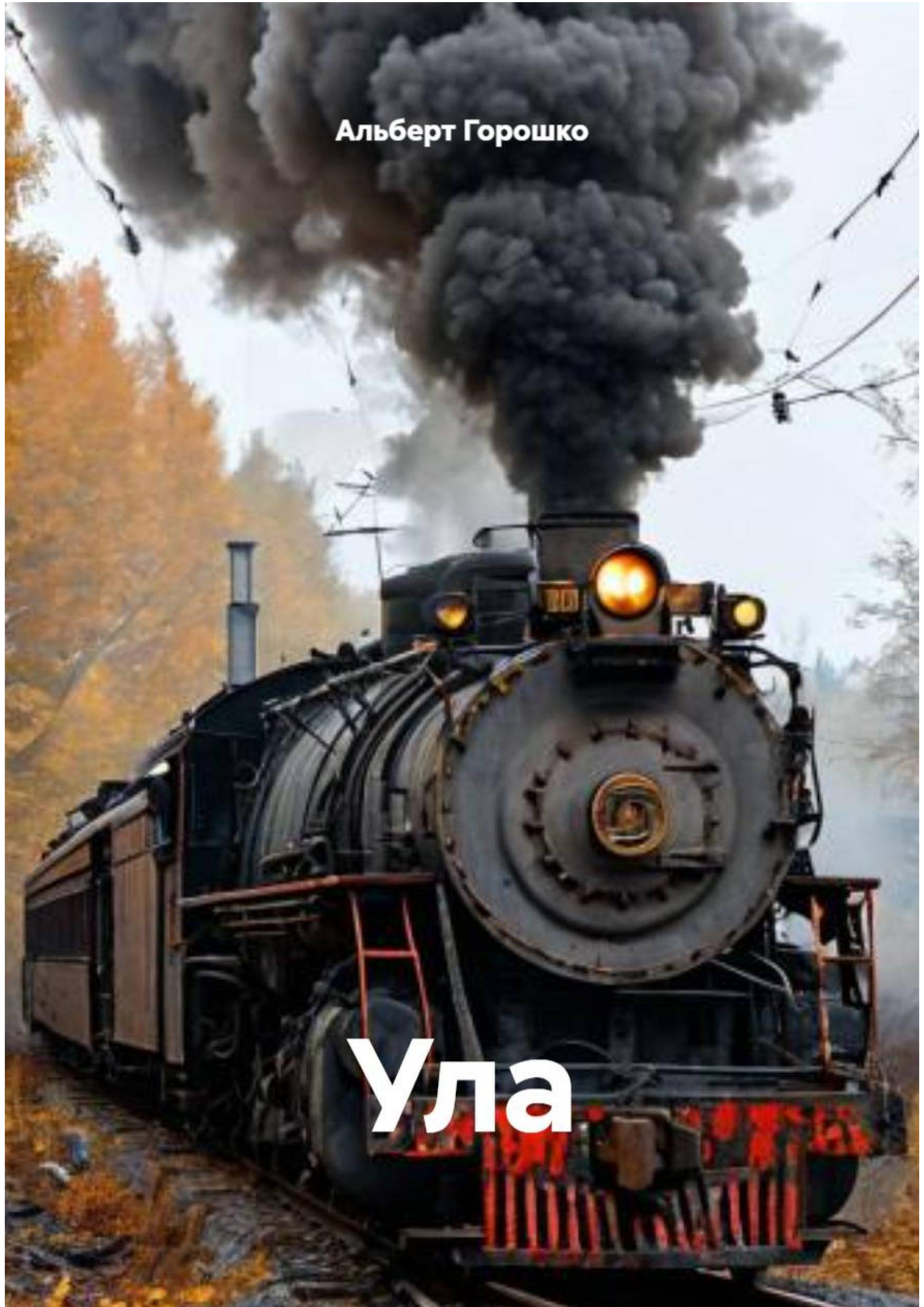

Альберт Горошко

Ула

Альберт Горошко

Ула

«Автор»

2015

Горошко А. Г.

Ула / А. Г. Горошко — «Автор», 2015

За сто первый километр...Теперь уже мало кто помнит, что означают эти слова. Дачные места окружают мегаполис, все дальше расползаясь по полям и лесам в стороны от Москвы. Но вдруг, свернув на проселок, вы откроете затерянный, изолированный мир, где стрелка часов зацепилась за прошлое.

© Горошко А. Г., 2015

© Автор, 2015

Альберт Горошко

Ула

Пролог

Этот прием обычно использовали классики, чтобы, говоря о каком-то конкретном городе, не обидеть его уважаемых обитателей и, в то же время, избличив некоторых из них в тех или иных грехах, сделать это одновременно для всех городов, к которым на равных основаниях может быть применено название N. Читателю решать, типичен, либо все-таки уникален для нашей глубинки городишко, затерявшийся в лесах N-ской губернии, (что бы сказали нам наши деды за то, что вновь ввели в употребление и употребляем уже совсем позабытый, да вдруг кем-то изъятый из старого пыльного административного сундука, термин “губерния”?).

Название городка можно было не прятать, да и спрятать его – задача! Название, как говорится, кричащее. Но если предусмотрительный классик 19 века опасливо маскировал его поставленным на бок Z(помните город ZERO?), то я поступил хитрее, оставив и этот крик, и не нарушив правила хорошего тона, и в тоже время, не обидев бедных, ни в чем не повинных жителей ...едожорска. Да, я сделал интереснее – вместо всех этих “неизвестных” N, Z или, как теперь говорят, “Иксов”, всего лишь убрал из названия города заглавную букву.

Начало этого городка не описано ни в одной летописи. Указ Екатерины Великой так же не коснулся его – да и не мог коснуться, так как появился он по другому указу – в 1937 году здесь был создан лагерь-поселение. Чуть ранее, в годы электрификации, в лесном урочище Гнилой Луг началась промышленная добыча торфа, залежи которого суждено было истощить осужденным, да простит меня читатель за неуместный каламбур. Мирной добыче рыхлого топлива не помешала война – скорее даже подхлестнула ее, последующее за войной восстановление страны потребовало еще большего потока торфяных эшелонов.

В те далекие годы облик едожорска окончательно сформировался – один перекресток с памятником Л.Е.НИНу (две точки-выбоины оставил инкогнито местный инакомыслящий, которого, однако, знали все, но никто не смог доказать его авторства), Слон – дом с четырьмя колоннами, десяток кирпичных домов да полсотни бараков. Маленький вокзальчик и депо с закоптившимся паровозом, охрипший свисток которого несколько десятилетий назад напоминал едожорцам о большой земле, скрытой от его девственной заброшенности за густыми, непроходимыми лесами и топкими болотами. Болота – это логический и экологический результат изъятия торфа – были проклятием едожорцев. Казалось, что все воды N-ской губернии перетекли сюда и сделали городишко недоступным для проникновения извне, равно как и непреодолимым изнутри.

Единственной ниточкой связи с миром была узкоколейка, но, еще не исчерпав свой ресурс, она напоследок прокатила лагерное начальство с семьями и скарбом, а потом исчезла, словно кто-то свернул ковровую дорожку. Несколько лесных дорог сначала сменились гатями, потом кочковатыми тропами и вскоре вовсе затянулись болотной жижей. Самолет, скажете вы и тут же поперхнетесь – аэродром! Вертолет? Да, оставался только он, долгожданный и желанный, и очень, очень дорогой. Так едожорск стал полностью изолированным городом, жившим по своим старым канонам, питавшимся тем, что удавалось взрастить или собрать на его зыбких почвах. Вот сюда-то и забросила меня судьба в один из дождливых дней.

Глава первая

Не желая попадать в традиционную воскресную толчею дачников-неудачников, я решил объехать ползущий через множество сел участок N-ского шоссе по боковой дороге, выходящей на трассу через сто двадцать километров. Тем более что почти никто не сворачивал в этом направлении, так как вместо привычной дистанции предстояло сделать раза в два больше. Ну и что, зато могло попасться нечто интересное для моего голодного до загородных картин и убитого урбанизацией зрения. Асфальтовая дорога, точно собака на прогулке, радостно виляла хвостом, я проехал пару деревень вполне уверенно, похвалив себя за свой обходной маневр. Вдруг начал накрапывать осенний дождик. Дворники суетливо заерзали по лобовому стеклу, спина шоссе покрылась холодной испариной.

Навстречу проехал запыхавшийся Уазик, оставивший за собой угарный инверсионный след. Я включил внутренний обдув, стекла моментально запотели изнутри. Пришлось задействовать кондиционер. Впереди показался мост через реку со смешным названием “едожорка”. Переехав его, я сразу потерял дорогу. Она просто исчезла. Вокруг меня лежало унылое болото с уродливо торчащими стволами сухих берез. Вместо дороги болото пересекала широкая, метров десять, полоса бурой жирной грязи, которую прорезали несколько извилистых колея с высокими зазорами. Часть полосы была ровной, нетронутой. Я поднял гидроподвеску своего Ситроена и поехал на второй передаче. Мотор уверенно гудел, передние колеса жадно вгрызались в податливое тело размякшей грунтовки. И тут я вспомнил, что пропыхтевший навстречу Уазик был совсем чистый, а мои лобовое и боковые стекла уже плотно залеплены взлетающими из-под колес комочками грязи. Получалось, что он сюда не поехал, а вернулся назад? Тем временем машину начало водить, и я с трудом удерживал руль. Дорога шла под уклон, и колея становилась глубже. Перед очередной ямой я затормозил. Меня стали терзать сомнения – не проеду, завязну здесь, и никто не вытащит. Но и развернуться было невозможно. Я сдал назад, захотел выйти, но резиновые сапоги лежали в багажнике, а грязь доходила до порогов. Нудный дождик все больше увлажнял набухавшую субстанцию, в которой мне предстояло плыть дальше. Я закрыл дверь и решил пролететь опасное место с разгона. Первая, газ, вторая, еще газ, на третьей скорости машина задергалась, и я снова включил вторую. Днище терлось о грунт. Ситроен, словно корабль в шторм, загребал носом волну жидкой грязи, но шел. Сцепление работало на пределе. Меня охватил ужас, когда впереди показался поток воды, пересекавший поперек и без того убитую трассу.

Я заглушил мотор и полез между передними креслами назад, откинул спинки и достал из багажника сапоги. Грязь оказалась такой глубины, что идти было еще труднее, чем ехать. Я подошел к месту, где вышедшее из берегов болото перетекало с одной на другую сторону дороги, как какое-то сонное, апатичное беспозвоночное. Все, застрял! Мобильная сеть отсутствовала. Я достал атлас. Наличие здесь шоссе с улучшенным покрытием – явное преувеличение, зато отсутствие населенных пунктов в радиусе двадцати километров – чистая правда!

Я осмотрел передок автомобиля – он был весь облеплен толстым слоем грязи. Решетка радиатора забила наглухо. Ничего не оставалось, как с позором поехать назад. Здесь и полный привод бы не помог! Я сел за руль, так, прямо в сапогах. Включил заднюю передачу, но машина словно прилипла – одно из колес предательски жужжало и плевало грязью на лобовое стекло. Я попробовал враскачку, но все напрасно, к тому же мотор быстро перегрелся, и кузов начал ощутимо вибрировать – заработал разбалансированный вентилятор охлаждения. Ну что ж, остался последний вариант – ждать помощи. Телефон не брал, как я ни пытался его поворачивать и поднимать повыше.

Кажется, меня здесь ждали. Из-за кочки, словно леший, волоча за собой длинное бревно, вышел мужик. Сидел что ли там и караулил, может быть спал, но шел он прямо ко мне.

– Что, земля, завяз? – услышал я неожиданно зычный, звонкий такой голос, который могла издавать изрядно проспиртованная и прокуренная глотка.

– Да, вот застрял.

Лицо у мужика было черным-черно, все в складках глубоких морщин. Он улыбнулся беззубым ртом.

– Не бойсь, зема, держи хвост пистолетом. Цигарки есть?

– Не курю!

Мужичок понимающе кивнул, бросил бревно и достал помятую пачку Беломора.

– Огоньку?

Я тоже кивнул и нажал прикуриватель. Тот услужливо щелкнул, и я протянул аборигену теплый патрон. Мужик с удовольствием прикурил, затянулся и поблагодарил:

– Добре.

– А что, деревня далеко ваша? – начал я беглую рекогносцировку.

– Деревня не деревня, а город есть, версты две. Мужик свистнул, и из-за другой кочки вышли еще двое, один толстый, низенький, как колобок, другой высокий и страшно сутулый. Первый с лопатой, второй с двумя.

– Гроши е? – поинтересовался на всякий случай “бугор”.

– А сколько надо?

– Да сколько не жалко, по пяти на брата хватит! – облизнулся горбатый, но бугор его тут же осадил:

– Цыц, Коряга, не мельтеши. Земеля, ты не слушай его, дай сколько не жалко, а мы тебя вытащим, не журись.

Мужичок перегородил бревном поток воды с высокой стороны дороги и его двое подельников тут же стали набрасывать бруствер поверх бревна. “Бугор” взял лопату и прорыл канавку с другой стороны. Вода начала быстро уходить, и “бугор”, перешагнув канавку, засеменял вперед и скрылся в лесу. Я услышал треск двигателя, и на дорогу выкатила когда-то синяя, а теперь рыжая от ржавчины Беларусь без кабины, этакий кабриолет.

– Цепляй трос, поехали!

Глава третья.

Не прошло и четверти часа, как впереди показался прогал, дорога стала заметно лучше, лес отступил, сменившись зарослями бузины, ольшаника и рябины. Появились заборы, сараи, бараки, баньки, все почерневшее и покосившееся, подернутое зеленым мхом. Меня тащили по улице, вымощенной булыжником и кирпичом. То тут, то там у дороги встречались люди, так же, как и мои спасители, одетые в ватные телогрейки, ушанки или кепки, штаны, заправленные в резиновые сапоги с отворотом. Несколько баб в белых косынках, стеганных душегрейках без рукавов, в опорках под черными длинными юбками, несли сетки с буханками хлеба, как мне показалось, весьма черствого (оказалось, это были брикеты сухого торфа для топки печей). Чумазые мальчишки гоняли вдоль обочин обручи от бочек. За шербатыми заборами лаяли косматые коротконогие дворняги. Наша процессия и так не осталась бы незамеченной, но тракторист сигналил как нарочно, привлекая еще большее внимание. Окно моего покорного авто было все время опущено, и я слышал непривычный гвалт этого странного городка сквозь рев страшно дымившего трактора.

– Кого поймал, Бандера? – крикнула одна особо любопытная молодая аборигенка с рюкзаком за не по-женски широкими плечами.

– Вот, француз попал до нашей краины! – проскрежетал ей в ответ "бугор".

– Ить его занесло, окаянного! – захохотала в ответ молодуха, приложив ладонь к щеке.

Мы остановились у каменного дома с колоннами, прямо перед памятником вождю пролетариата. Середину площади занимала огромная лужа – может быть, пожарный пруд, а может так – сама разлилась вследствие дождей или отсутствия дорожной службы. Кто-то даже приладил к ней мосток, вроде как для порядка...

– Отцепляй!

Я рассчитался с Бандерой, не пожалев трех пятисоток, примерно как и просил оставшийся в лесном дозоре горбун.

– Ну, бывай! – и он бухнул мне костяшкам с тыльной стороны ладони крепким, как камень, кулаком. Такими кулаками именно буцкают, а не бьют. – Если что, спросишь Вовку Бандеру, здесь все знают!

– А почему Бандера?

– Да хохол я, с Винницы!

– Ну, будь здоров, не пей много!

– Да как не пей, а что еще делать то? – усмехнулся мужичок и укатил обратно.

Глава четвертая

Меня тем временем окружила толпа зевак. Советы и сочувствие лились рекой, когда я завел машину, но не смог сдвинуться с места – педаль сцепления хрустнула под ногой и провалилась, скорости не включались, а когда мотор снова нагрелся, облепленный грязью вентилятор вошел в резонанс с кузовом автомобиля.

– Шчэпление пошадил, милок! – сетовала одна бабка в очках с толстыми линзами.

– Да, бабушка, кажись, кирдык, – вторил ей паренек в рваной канадке с торчавшими там и сям пучками потемневшей ваты.

Я удивился, как эта бабулька смогла определить поломку, не сходя с места.

– Баба Шура в войну работала шофером на полуторке, – сообщил паренек, заметив мою реакцию. – Она все про машины знает.

Я совсем приуныл и только озирался по сторонам в поисках какого-нибудь смышленного в технике лица.

– Сакыча, Позитивчика кликните! – раздалось в толпе.

Через пять минут ко мне подошел шустренький бородатый старичок в черной шинельке и снял с плешивой головы фуражку железнодорожника.

– Здравствуйте, молодой человек! Меня зовут Марк Исаакович Позитивчик.

– Очень приятно, Буров Анатолий. – Я пожал сухонькую холодную ладошку Позитивчика.

– Заведите! Да-с, так-с, нажмите, ага. Все ясенько. Ребятки, подсобите.

Позитивчик сел за руль, а десяток горожан стали толкать мой Ситроен вперед и влево, к огромному ржавому ангару, внутри которого гордо стоял холодный, безмолвный паровоз.

– Это моя мастерская, прошу покорнейше в кабинет, – пригласил меня Позитивчик в небольшую каморку под потолком ангара, куда вела шаткая металлическая лестница.

– Ну-с, диск сцепления мы не подберем, а вот лепестки подправим, и с выжимным подшипником придется повозиться...Денька три-четыре, и все будет готово.

– Как три-четыре? Мне послезавтра на работу! – вскричал я и машинально стал искать в телефоне контакты ближайшего фирменного сервиса. Телефон и здесь не работал.

Позитивчик снова снял фуражку, протер вспотевшую лысинку грязным платочком и надел на нос старые очки в металлической оправе.

– Три, три дня, и вентилятор почистим, – спокойно продолжал мастер.

– Цепляйте меня за трактор, я назад поеду!

– И даже не думайте, они вас обратно не повезут, – убеждал старик. – Будет бегать, как новая!

Я понял, что спорить и требовать бесполезно, оставалось только ждать.

– Почему вы не спрашиваете за деньги? – поинтересовался Марк Исаакович.

– Да что деньги, вот! – я протянул ему пять тысяч. Позитивчик аккуратно взял их за уголок своими сухими пальцами, поглядел на свет и положил в потрепанное портмоне.

– Гарантию на работы не даем, молодой человек. Остальные десять тысяч по окончании ремонта.

– Где же я смогу остановиться на три дня?

Старик надел фуражку и повел меня к выходу.

– Вон тот человек вам поможет, – и он указал на плотного мужика в тулупе из овчины и валенках на резиновой подошве.

Глава пятая

Вообще я заметил необыкновенное участие к моей персоне со стороны горожан. Каждый хотел прийти ко мне на помощь. Лицо мужика сияло радушием. Он протянул широченную короткопалую руку и стиснул мои пальцы до хруста.

– Будем знакомы – Требушинский Кондрат Пантелеич.

Я потер пальцы и назвал свое имя. Ну у них тут и имена – просто филологический заповедник!

– Ну как там наш инженер? Ободрал? – спросил тулуп и, когда я только пожал плечами, еще больше просиял. – Пойдем, небось, проголодался? Сейчас щец горяченьких с тушенкой, картошечки с груздочками, самогону?

Мы подходили к его избе, построенной по северному образцу – с высоким подполом. Толпа зевак ревниво сопровождала нас чуть позади.

– Проходи, мил человек, будь гостем.

Скрипнула калитка, мы зашли во двор, устланный деревянными мостками. Крепкое крыльцо со скрипучими крутыми ступеньками вело в просторные сени.

– Нужник налево, умывальник здесь, за бочкой. Проходи, проходи.

Я озирался по сторонам – вот занесло меня в эту глухомань!

Он открыл низкую дверь в горницу, перегороденную на три части – кухню с огромной печью, столовую и маленькую спальню. На кухне гремела чугунами хозяйка. Я посмотрел на часы с кукушкой – полпятого. Запах щей дразнил, хотелось поскорее поесть и отдохнуть.

Привычных образов с лампадкой в углу я не увидел, вместо них висел вымпелок ударника коммунистического труда и фотография товарища Дзержинского. Из мебели – стол и две большие лавки, металлические кровати, фанерный комод и полированный трехстворчатый шкаф. На столике у окна синел закрытый патефон. Ни радио, ни телевизора я не приметил. Уж не случилось ли что со временем, пока меня тянули по лесу – что за нетронутый цивилизацией уголок из прошлого!

Через четверть часа мы уже сидели за столом. Я, хозяин, хозяйка, Раиса Францевна – такая же, как и муж, плотная и круглолицая, с водянистыми глазами, да с нами еще один гость – Иван Иванович Подмахно.

Стол украшала обильная, но нехитрая закуска – кастрюля щей, дымящаяся картошка в мундире, мелкая, как грецкий орех, пятилитровая банка соленых груздей, кислая капуста с клюквой, моченые яблоки, и благоухающая на всю избу требуха. Хрен, соль и горчица составляли набор специй и приправ. Венчала все это бутылка коричневого самогона, настоящего на калгане.

Столовая утварь была преимущественно алюминиевая: гнутые ложки, вилки, помятые кружки и миски. Хозяин, прижав к груди ржаной каравай, нарезал толстыми ломтями хлеб. Самодельный нож с наборной ручкой был отточен, как бритва – ни одной крошки не упало на пол.

Я изрядно продрог на болоте, и первый же глоток спиртного подействовал на меня наилучшим образом.

– Ну, мил человек, расскажи, что там деется, на большой земле? – спросил Требушинский.

– Да все нормально, живы-здоровы, работаем, – как обычно в таких случаях, ответил я.

– Москва стоит, вокруг лежит Россия, – ответил за меня Подмахно и налил по второй.

– Я пропущу, – предупредил я, но встретил отпор всей троицы.

– Пей, пей, мил человек, заболеешь еще. Нам тут лекарей не привезут, вот й-им только и лечимся, – уверила хозяйка и налила мне еще половник щей.

После второй рюмки я почувствовал себя как дома. Тревоги уходящего дня остались в стороне, я с удовольствием принялся за картошку с грибами. Грузди были необычно едкими – в том смысле, что хорошо елись.

– Да что там большая земля, расскажите лучше вы про свой городок. Не предло...полагал (язык мой уже заплетался) найти столько людей в такой глуши. Ведь вас и на карте-то нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.